Солоницын А.

16.10.91.

Актерство — это всегда дьявольщина

комс. правда — 1991 — 16 окт

Анатолий Солоницын в перерыве съемки «Сталкера»...

Глаза, от которых никуда не деться. Черные тени вокруг них — это не грим.

Ассистентка режиссера, шутя, для снимка, наклонилась, опуская холодный секундомер на его лоб: стрелка на нем стоит. Но его время неумолимо — ему сорок шесть, ему осталось всего два года.

Он прожил два десятка жизней плюс еще одну — свою,

он сгорал в них, как свеча, он нахлестывал себя нещадно — есть такие актеры, на которых на сцене, площадке страшно смотреть: как же они после такого живут? как же с ума не сходят? не умирают от разрыва сердца?

Тарковский искал своего Рублева по всей стране. Хорошо американцам с их компьютерами, а у нас живые компьютеры — вторые режиссеры. Первые могут не знать даже друг друга — вторые знают все, у них свои картотеки, информаторы и осведомители — живую сеть на страну набросят, до распоследнего театрика или клуба доберутся, но нужного человека найдут.

Именно так, из Свердловска, был извлечен Анатолий Солоницын. У Тарковского глаза горели, когда смотрел он его пробы: воск, глина, лепи, что хочешь, подчиняется до конца.

Актерство — это всегда дьявольщина. Именно поэтому актеров не отпевали раньше в церкви, не хоронили на кладбище, а связь с ними считалась недостойной света.

Гениальное же актерство — колдовство чистой воды: снимается, скажем, Солоницын в Норильске у Герасимова в «Любить человека» — добропорядочный архитектор, передовой, и все в порядке: нормально ест Толя, спит и пьет, не опаздывает на съемку. И вдруг — исчезает на день, два, появляется небритым, полупьяным и опять пропадает ночами с какими-то норильскими бомжами, пропитыми и хрипатыми.

— Толя, что ты делаешь? Ведь ты так долго не протянешь.

— Мне завтра к Андрею лететь...— отвечает он, а глаза блуждают, он на грани «свихивания», на подсознании, потому что его ждет Тарковский, его ждет «Солярис» — поединок земного разума непонятно с чем, его ждет существование за гранью возможного...

А за минуту до этого снимка все самозабвенно играли в «расшибец»: Тарковский, Гринько, Кайдановский, Солоницын. Орали в диком азарте: «Опять жухаешь?!», распихивали друг друга, вопили от удачи, как дети, и вдруг Андрей, мучительно протрезвляясь от сознания, что свет уходит, съемки срываются, сказал:

— Все, ребята.

И происходит то, что всегда поражает в великих актерах, которые халтурят на репетициях, потому что им приходится беречь себя для сумасшествия: они мгновенно выпадают из действительности: «Все, ребята...»

...Несколько секунд просидел Анатолий в кресле с холодным и тяжелым секундомером на лбу. Несколько секунд жил этот его взгляд, от которого никуда не деться.

Откуда он? Из какой его жизни? И куда? В души наши, в наше будущее или в будущее свое?

Два года ему оставалось — он слишком себя нахлестывал.

Выпуск подготовили
Юрий ГЕЙКО и
Игорь ГНЕВАШЕВ.

348